

ВАСИЛИЙ БЕЛОВ — ДЕТЯМ

ПИСАТЬ детские книги трудно. Не менее трудно объяснить их успех или неуспех, объяснить, почему, например, нравятся вот уже ряду детских поколений такие книги как «Мойдодыр», «Телефон», «Муха-цоколуха». Василий Белов тоже пишет для детей, и, предвзяв одну из его книг и обращаясь к читателям, другой художник — Евгений Носов — говорит, что «секрет» воздействия и сильная сторона детской прозы Белова заключается в радости и удивлении, которые она вызывает в детской душе. Это удивление «от соприкосновения с простой невыдуманной жизнью, которая многих из вас окружает ежедневно, а некоторым порой кажется обыденной и малоинтересной».

Человек, продолжает Носов, будет добрее и лучше, если по-прежнему останется неравнодушен ко всему живому — будь то синица, постукавшая в замороженное окно, или одинокий кустик у дороги...»

В этих словах много правды. Их вспомнаешь, знакомясь с первым — и, нам кажется, основным — разделом новой книги Белова для детей*, названным «Рассказы о всякой живности». Но этот цикл маленьких повестуванний обращает наше внимание и на другое. Пожалуй, не только умением открывать яркое и необычайное в привычном ходе естественной жизни силен Белов (хотя и у него, как у Пришвина, есть интересные, вызывающие удивление открытия). В «Рассказах о всякой живности» нас скорее поражает необычайная слитность повествователя с общей нерасчлененной жизнью природы, почти такая же, с какой Иван Африканович «растворяется» в открывшихся ему снежных даялах. Удивителен этот взгляд. Такой, словно тысячу поколений назад, тотемический какой-то, утверждающий равнозначность мира братьев наших меньших и человеческого мира.

В «Рассказах о живности» у Белова нет ничего похожего ни на толстовского «Холстомера», ни на чеховскую «Каштанку», ни даже на пришвинские рассказы о собаках. Малька из книги Белова «сама маленькая, ножки, как спички, и очень кривые, а злости больше, чем у тигра». Но и она подвластна в беловском рассказе могучим законам самоотвержения, что присуще природе в той же степени, как и законы вражды и беспощадной борьбы. Лосось, направляясь метать икру, не думает о себе, израненный, он прыгает через пороги, поднимается вверх по реке и гибнет во имя продолжения жизни. Этот великий инстинкт отодвигает, подавляет вздорный характер Мальки; собачонка бега-ет в другую деревню кормить отданного ту-

да одного из своих щенков. Для этого она, рискуя жизнью, готова преодолеть даже разлившуюся реку... Рыжий кот (этот охотник пожить за чужой счет) сосет ее молоко, пользуясь беззаветностью инстинкта, который выше самого существования Мальки.

Обыденная жизнь животных героична, хотя это сознает только человек, и целесообразна одновременно (галки в рассказах Белова выклеивают шерсть у лияющей лошади, личинок у овец). То, что противостоит и расходится в нашем сознании как полярное, здесь соединяется. И, может быть, в этом слитном течении бытия, которое столь ощутимо передано в беловских рассказах «о живности», рождается и человеческая мудрость: понимать жизнь как необходимость, как долг и программу, смысл которой — продолжение дела поколений. Из современных художников это не менее остро ощущает Чингиз Айтматов, рассказавший в одной из своих повестей, как, оказавшись на краю гибели в море, старшие жертвуют собой, чтобы сохранить жизнь мальчику — ростку будущего. Именно здесь рождается нравственность, объявляющая решительную борьбу идеям уничтожения и войны.

Небольшая книжка Белова, рассказывающая о нехитрой жизни деревенских животных, глубока.

В деревенских рассказах автора нет аффектации. Его голос ровен, приветлив, спокоен. Именно таким тоном можно и нужно разговаривать с детьми, рассчитывая на взаимопонимание. Здесь нет ничего нарочитого, нет и попыток «собахарить», умилились. Еле ощутима авторская улыбка — и то она скрыта в языке, в описании характеров и ситуаций: о незадачливом хозяине Феде, который, желая избавиться от гусей, продал их, но они вновь приплыли к нему по реке, о коте, таком необыкновенно пестром, что получил он кличку Заплаткин.

К рассказам «о живности» естественно примыкает рассказ «Вовка-Сатюк», не новый у Белова, но такой, который вновь перечитываешь с теплым чувством: так просто и неотразимо рисуются в нем дни Вовки, приехавшего на лето к деду и бабке в деревню, так веет от него искренностью и правдой, с какой изображен наявный мир маленького проказника. С очевидностью проступает здесь талант Белова-живописца, рассказывает ли писатель о надвигающейся грозе, о событиях деревенского дня или дает умиротворенную картину неспешного движения людей и природы: «В широких лопухах, — рассказывает он, — лениво бродили курицы. Синело высокое небо, теплым ветром обдувало зеленый огород с картошкой и луком. Белая бабочка села на травинку и замерла, изредка вздрагивая крылышками. Прошла на реку с

* Василий Белов. Каникулы. Архангельск, Северо-Западное кн. изд-во, 1981.

бельем бабушка Катя, следом за нею шел жот Кустик и медленно шурлился».

Самим строем своих рассказов художник «готовит» читателя, формирует его ожидания. Видишь исподволь складывающуюся цельность книги, ощущаешь общий ее тон, ее стиль. И совсем неожиданной оказывается встреча с рассказом «Око дельфина» — о жизни и гибели старого морского волка Питера Стайлза где-то на островах южноамериканского континента. Стайлз — из числа мужественных людей, преодолевая усталость и возраст, он отправляется на лодке, чтобы очистить от змей маячный фонарь, ибо «свет нужен всему океану». Рассказ написан «без сучка, без задоринки», но в нем неожиданно мало беловского.

При этом «Око дельфина» — рассказ, конечно же, не для детей. Эту же претензию невольно обращаешь и к рассказу «Тезки». Школьник Толя Петров, познакомившийся с Анатолием Семеновичем, может быть для того и выведен в рассказе, чтобы показать, как сложен мир взрослых, как черствость и предвзятость некоторых из них мешают увидеть добро и человеческую открытость. Разобраться в сложных и запутанных отношениях взрослых героев этого рассказа юному читателю весьма затруднительно.

Гораздо значительней именно как чтение для детей, хотя и более старшего возраста, представляется нам повесть Белова «Каникулы». Известный сюжет юных робинзонов здесь удачно положен на милый Белову, естественный для него и прекрасно знакомый деревенский материал. Мальчишки-шестиклассники решают разогнать скуку летнего безделья. Втайне от взрослых они отправляются в лес к заброшенному сараю, где раньше гнали деготь. Вот как утверждается замысел этой ребячьей затеи:

— «Сделаем тут наш дом! — тихо произнес Минька и оглянулся.

— Топор принесем, — шепотом сказал Стасик.

— Соли и спичек.

— Соль-лизунец в поле.

— А Хомутова возьмем?

— Возьмем, только пусть побойится, что никому не скажет».

Белов видит и превосходно передает жажду активности своих юных героев. Им все хочется сделать самим и, как это бывает в детстве, скорей пройти взрослым путем. Эта тяга к самостоятельности ставит их перед испытаниями, пусть не столь значительными — самим наловить рыбы, разжечь огонь, устроить ночлег, — но такими, которые уже ясно выявляют их собственные характеры, открывают нравственный смысл их поступков.

Ведь это не просто — переночевать одним в лесу; так хочется домой, и один из них не выдерживает, убегает, нарушая мальчишескую клятву.

Нет необходимости преувеличивать серьезность повести Белова. Она читается живо, художник увлекает читателя за своими героями, есть в ней хорошая развлекательность, которая соседствует с уже привычной нам улыбкой художника, прекрасно чувствующего возраст своих героев, незадачливость их конспирации.

Не ново, что дети ведут дневник своих дел, но полно смысла детское переживание опыта взрослых. Их игра — это проекция жизни, ее движение, смычка поколений. В лесном сарае ребята не порывают с деревенскими обычаями и порядками и даже играют в праздники, на которых пробравшаяся в лес девочка Катька потчует их «вином» и «окрошкой», а Хомутов изображает играющего гармониста.

Найдя беглецов в лесу, взрослые оказываются милостивы к ним, потому что милостив к ним писатель Белов, потому что любит он своих маленьких героев — Вовку-Сатюка, Миньку и Стасика, Хомутова и Катьку — и юные читатели, мы думаем, ответят ему тем же.

А. ХАЙЛОВ